Paulsen
2020

Иван Федорович Крузенштерн
(1770–1846)

ЭВЕРТ ФОН КРУЗЕНШТЕРН

Иван Крузенштерн

МОРЕПЛАВАТЕЛЬ,
ОБОГНУВШИЙ ЗЕМЛЮ

УДК 82-94
ББК 26.8г
К84

Ewert von Krusenstjern
Weltumsegler und Wissenschaftler
Adam Johann von Krusenstern 1770—1846

Эверт фон Крузенштерн
Иван Крузенштерн. Мореплаватель, обогнувший Землю.
М.: Паулсен, 2020. — 304 с., илл. — 24.
Рецензент В. И. Сычев
Консультант Л. М. Свердлов

ISBN 978-5-98797-229-8

На обложке: Шлюп «Надежда» на кронштадтском рейде. 1803 год. Худ. А. Тронь.
Карта на форзаце любезно предоставлена научной библиотекой
Русского географического общества.

ISBN 978-5-98797-229-8

© Издательство «Паулсен», 2020
© Casimir Katz Verlag, Gernbach, 1991

От издателя

Книга об Иване Федоровиче Крузенштерне не может быть неинтересной.

Важнейшими в жизни этого выдающегося мореплавателя стали профессиональные достижения, благодаря которым в истории сохранилось его имя. Иллюстрацией мирового признания деятельности Крузенштерна является раздел о российской экспедиции под его руководством, помещенный в вышедшем в 1820 году описании капитана Самуэля Прайора «Все кругосветные плавания вокруг света: от первого — Магеллана в 1520 г. до Крузенштерна в 1807 г.». Раздел уступал по объему только описанию плаваний легендарного капитана Джеймса Кука.

В представленной книге потомка Крузенштерна Эверта фон Крузенштерна, немалую часть которой занимает рассказ о первой русской кругосветной экспедиции, также собраны редкие документы и свидетельства десятков современников о его жизни и работе. Использованные многочисленные публикации, уникальная иконография и иллюстративный материал помогают ближе познакомиться с личностью морского офицера, раскрывают его внутренний мир, показывают заботу о детях и супруге, иллюстрируют отношения с сослуживцами и подчиненными. Откровенное повествование о преодолении трудностей, нелегком пути и карьерном росте погружает в атмосферу жизни в Санкт-Петербурге и Прибалтике конца XVIII и первой половины XIX веков.

Книга вышла из печати в Германии в 1991 году, когда автору были доступны труды И. Ф. Крузенштерна, В. М. Пасецкого,

Е. Е. Левенштерна (на немецком языке). Ему удалось дополнить текст яркими фрагментами писем Иоганна Каспара Горнера о кругосветке. В книге впервые на русском языке опубликованы отрывки из переписки И. Ф. Крузенштерна с Августом фон Коцебу, Теодором Бернгарди, Рейнгольдом фон Гарпе и другими корреспондентами.

Особое место занимает переписка мореплавателя с супругой Юлией, сыновьями, дочерью, братом. Благодаря этим документальным свидетельствам перед нами раскрывается внутренний мир Ивана Федоровича — заботливого супруга и отца. Переписка проникнута теплотой и заботой членов семьи друг о друге.

Выпуск книги потребовал коллективной работы редакторов и консультантов, сумевших, как нам кажется, сделать нужные и важные пояснения и дополнения к основному тексту, а также деятельного участия семьи Крузенштерн в лице Александра Прищепова и дочери автора книги Бенигны фон Крузенштерн, любезно предоставивших множество редких иллюстраций для книги и помогавших в работе над ней.

Имя Адам Иоганн, полученное Крузенштерном при рождении, фигурирует в начале повествования, до того как он оказался в Санкт-Петербурге, а также в письмах к супруге и в упоминаниях о захоронении. Имена детей Крузенштерна в основном даны в их русскоязычной традиции, однако в ссылках на семейный архив мы оставляем их в том виде, в котором они указаны в переписке членов семьи. Для облегчения восприятия фамильная приставка «фон» как у самого Крузенштерна, так и при других фамилиях его родственников и друзей, как правило, опускается. Все иностранные имена, имеющие устоявшееся написание в русской традиции, приведены к более привычному для читателя виду. Библиографические ссылки сделаны на источники, которыми пользовался автор при написании, по ним указаны номера страниц.

В связи с грядущим 250-летием со дня рождения мореплавателя интерес к его личности естественным образом возрастет, и мы уверены, что новая книга, выпущенная издательством «Паулсен», найдет своего заинтересованного читателя.

Посвящается Кейт фон Крузенштерн

Введение

Много было написано[1] об Адаме Иоганне фон Крузенштерне[2], чье имя сегодня гордо красуется на борту четырехмачтового красавца барка[3], бороздящего Мировой океан. Однако полная биография мореплавателя до сих пор не опубликована. Причина не в последнюю очередь кроется в том, что источников крайне мало. Сохранившиеся материалы рассеяны по многим странам: они находятся в архивах, библиотеках и частных коллекциях. Для того чтобы их проанализировать, требуется по меньшей мере одновременное знание немецкого, английского, русского и эстонского языков.

Когда в 1911 году графиня София фон Рюдигер распорядилась продать эстонское имение своего деда Адама Иоганна фон Крузенштерна Килтси (Асс), полученное ею по наследству, она даже не представляла, что в усадьбе, которую она никогда не видела, хранилось множество ценных рукописей. Так и случилось непоправимое: когда грузчики выносили мебель из проданного дома, бумаги оказались разбросаны по полу, причем в таком количестве, что носильщики сновали

---

1 Первый биографический труд 1879 года принадлежит перу Теодора фон Бернгарди, последний, написанный Василием Пасецким, был опубликован в 1974 году. — Прим. авт.

2 В русской традиции (документах, текстах, литературе), как и далее в этой книге, — Иван Федорович Крузенштерн. Здесь и далее все сноски без указания авторства принадлежат редактору З. Бредовой, консультанту Л. Свердлову и рецензенту В. Сычеву.

3 Четырехмачтовый барк «Крузенштерн» — российское учебное парусное судно. Спущено на воду в 1926 году в Бремерхафене (Германия) под именем Padua. В 1946 году перешло по репарациям в собственность СССР и было переименовано.

в сапогах с железной оковкой по щиколотку прямо в них. Только после того, как об этом стало известно родственникам и незнакомым людям, удалось получить некоторые из рукописей, но многое пропало навсегда. Среди бумаг была и ценная переписка, включавшая как письма выдающихся людей, так и семейные письма от Карла Фридриха — родного брата Ивана Федоровича. Два брата, почти ровесники, вели активную переписку на протяжении всей своей жизни. Письма к Карлу Фридриху утрачены. Они хранились в Хаггуде (Хагуди), фамильной резиденции в Эстонии, в так называемом «ларе для писем». Во время русской революции 1905 года восставшие завладели тщательно охраняемым ларем, полагая, что он должен быть до краев наполнен золотом, серебром и бриллиантами. Когда вместо предполагаемых сокровищ обнаружилась только старая исписанная бумага, в ярости и разочаровании они сожгли ее. Таким образом, биографы потеряли самый богатый и надежный источник информации.

Крузенштерн не вел дневника, не писал мемуаров, но некоторые биографические данные можно найти в его произведениях. Главным источником информации являются немногие письма, содержащие сведения о его жизни. Прежде всего это переписка со швейцарским астрономом Иоганном Каспаром Горнером за 1807—1834 годы (не совсем полная), опубликованная в конце прошлого века в ежеквартальном журнале *Naturforschenden Gesellschaft* («Общество естествоиспытателей») в Цюрихе.

Благодаря советскому историку Василию Пасецкому были обнаружены письма английских полярников, адресованные Ивану Федоровичу, и его письма к министру коммерции, министру иностранных дел и канцлеру при Александре I графу Николаю Румянцеву. Отдельные письма Крузенштерна к его супруге Юлии и сыну Павлу — но не к другим сыновьям, — а также послания от Юлии, четырех сыновей, снохи Мими и некоторая часть писем от его брата все еще оставались в частной собственности. Интерес представляют воспоминания зятя Ивана Федоровича Теодора Бернгарди — он знал Крузенштерна еще с юности — и письма Августа Коцебу, который регулярно вел переписку со своим свойственником Крузенштерном. К сожалению, ответные письма отсутствуют. Следует упомянуть и многие другие разрозненные источники, в том числе письма Крузенштерна к различным исследователям, с которыми его объединяли общие интересы. Эти письма сохранились в архивах по всему миру. Еще одним источником информации о кругосветном плавании, в дополнение к опубликованным

путевым заметкам, в том числе и пера самого Крузенштерна, является рукопись весьма содержательного дневника лейтенанта Германа фон Левенштерна, о существовании которого было известно уже давно, но выдержки из него впервые были приведены в этой книге[4]. Шведское происхождение фамилии Крузенштьерн несомненно. В то время как Россия и Швеция вели уже не первую войну за господство в Балтийском регионе, Адам Иоганн, будучи юным кадетом в российском корпусе, добровольно или под давлением изменил «вражескую» фамилию, вычеркнув мягкий знак и превратив ее в фамилию Крузенштерн, каковой она и осталась у его потомков[5].

Я должен выразить огромную благодарность моему брату Георгу, внесшему особый вклад в сбор исходного материала о нашем общем предке и оказавшему мне неоценимую помощь в расшифровке писем. Я также хотел бы выразить свою благодарность архиву семьи Крузенштьерн в Швеции (музей г. Кальмар) за столь любезное предоставление материалов и моей дочери Бенигне, которая словом и делом помогала мне при написании этой книги.

4 Герман Людвиг фон Левенштерн (1777–1836) в русских документах фигурирует как Ермолай Иванович Левенштерн (отчество присвоено так же, как и его братьям, служившим русскими офицерами, – Владимиру Ивановичу и Ивану Ивановичу) или Ермолай Ермолаевич (видимо, на том основании, что его отца также звали Герман). Его дневники были переведены и изданы в России после написания труда Эверта фон Крузенштерна: Левенштерн Е. Е. Вокруг света с Иваном Крузенштерном. Дневник лейтенанта «Надежды» (1803–1806). Самое полное описание первого российского кругосветного плавания / Сост. А. В. Крузенштерн, О. М. Федорова, Т. К. Шафрановская; пер. с нем. Т. К. Шафрановской. СПб., 2003.

5 Скорее всего, мягкий знак, обусловленный наличием в шведском варианте фамилии буквы j (Krusenstjern), в немецком написании – буквы i (Krusenstiern), исчез из фамильного написания в русской транскрипции гораздо раньше – предок российской ветви рода Крузенштернов, прапрадедушка И. Ф. Крузенштерна, дипломат Филипп Крузиус (1597–1676) упоминается в большинстве русскоязычных источников как «Филипп Крузенштерна» – с «а» на конце (нем. Philipp Crusius von Krusenstiern, шв. Filip Crusius von Krusenstjerna).

ГЛАВА I

Происхождение и детство

Адам Иоганн фон Крузенштерн родился 19[1] ноября 1770 года — в том же году, что и Гельдерлин (20 марта), Гегель (27 августа) и Бетховен (17 декабря), на следующий год после Александра фон Гумбольдта, Гарлиба Меркеля и Наполеона и за год до Вальтера Скотта. Давайте несколько расширим временные рамки и рассмотрим 14-летний период — семь лет до и семь лет после рождения Адама Иоганна. Жан Поль (1763), Николай Карамзин (1766), Вильгельм фон Гумбольдт (1767), братья Шлегель (1767 и 1772), Шлейермахер (1768), Новалис (1772), Меттерних (1773), Каспар Давид Фридрих (1774), Шеллинг (1775), Э. Т. А. Гофман (1776), император Александр I, Клейст, Гаусс и К. Д. Раух (все 1777) — и это даже не полный список выдающихся личностей, современников Ивана Федоровича. Вряд ли можно сравнивать всех этих людей друг с другом, но они и без какой-либо связи с астрологией заслуживают того, чтобы их здесь упомянули.

Судьба в контексте времени — вот что интересно наблюдать, сравнивая биографии современников. Так, в год рождения Крузенштерна все еще продолжалась первая крупная экспедиция Джеймса Кука. Со смертью Кука в 1779 году на Гавайях в его третьем путешествии подошла к концу 300-летняя эпоха великих, сенсационных географических открытий. Она началась в 1471 году, когда португальцы пересекли экватор, и закончилась экспедициями выдающегося англичанина. Столетиями современники были очарованы рассказами о странах с необычными людьми, диковинными животными и растениями, откуда

1 Здесь и далее все даты даны по григорианскому календарю (по так называемому новому стилю), за исключением особо оговоренных автором случаев. По юлианскому календарю, действовавшему на территории Российской империи в годы жизни И. Ф. Крузенштерна, он родился 8 ноября.

можно было вернуться щедро нагруженным сокровищами. То, что еще только оставалось обнаружить в полярных зонах и других пустынных краях или отдаленных морях, представляло для широкой общественности второстепенный интерес, но для географов и мореходов было не менее важным.

Однако более существенной задачей, нежели устранение последних белых пятен с наземных и морских карт, было тщательное изучение уже открытого и его освоение. Ивану Федоровичу Крузенштерну суждено было оставить свой глубокий след на этом пути.

Не нужно иметь богатое воображение, чтобы предположить, что решающий толчок будущий мореплаватель получил уже в детстве. Открытия Кука представляли большой интерес для широких кругов населения, которые в то время — благодаря развитию прессы — уже можно было называть мировой общественностью, хотя изначально это все же были жители Европы. Там только об этих открытиях и говорили, что увлекало мальчиков, жаждущих приключений. Насколько бы изолированным ни был Ревель (современный Таллин. — Прим. пер.), где Крузенштерн ходил в школу, даже до этого города стали долетать новости, особенно с открытием в 1774 году местной газеты «Ревельские еженедельные известия».

Крузенштерн отлично знал литературу о путешествиях и имел большую библиотеку по данной теме. Вероятно, он начал собирать книги довольно рано, ведь в то время это было несравненно сложнее, чем сегодня.

Крузенштерн был младшим из восьми детей[2]. Когда он родился, его старшей сестре Еве Доротее исполнилось 20 лет. У него было еще четыре сестры: Иоганна, Елена, Августа и Оттилия — и два брата, Фридрих и Карл. Двое из детей — Иоганна и Фридрих — умерли в детстве. С Карлом, который был старше Адама Иоганна всего на год, он поддерживал тесную связь и хорошие отношения на протяжении всей жизни, несмотря на то что братья жили очень разными жизнями.

Иван Федорович, моряк, побывавший в дальних краях, офицер, ученый, хозяин замка, всемирно известный человек, удостоенный высоких наград, имевший связи с выдающимися соотечественниками и иностранцами, и Карл, наследник родового имения Хаггуд в Эстонии, простодушный деревенский дворянин и заботливый семьянин, который искал побочные заработки и вынужден был по одежке

2 Для генеалогической справки см. E. von Krusenstjern, Die Familie von Krusenstiern (Gernsbach: Casimir Katz Verlag, 1991) и приложение в конце книги. — Прим. авт.

протягивать ножки: отчасти потому, что скромное и обремененное долгами имущество приносило мало дохода, отчасти потому, что ему приходилось растить много детей. Ходили слухи, что от двух браков у Карла было 28 детей, письменные свидетельства есть о 22 из них. Пятнадцать его детей достигли зрелого возраста (из них девять сыновей), все они состоялись в жизни.

Отец братьев Крузенштерн Иоганн Фридрих, вопреки семейной традиции, не стал кадровым офицером, он уволился со службы в звании прапорщика, чтобы вступить во владение семейным имением. Его отец (дед Ивана Федоровича) Эверт Филипп, шведский офицер, после окончания Северной войны провел 22 года в плену в Сибири. Вернувшись в совершенно опустошенную страну[3], он посвятил себя восстановлению своего хозяйства, женился в преклонном возрасте и умер в 1748 году. В то время Иоганну Фридриху, старшему из детей, было 24 года, и судьба отца не пробудила в нем желания сделать карьеру офицера. Кроме того, в то время на российском престоле царствовала императрица Елизавета, о которой говорили, что она враждебно настроена к немцам. За время ее правления, а особенно в 40-х годах XVIII века, мало кто из новых прибалтийских подданных желал поступить на российскую службу.

Северная война (1700—1721) разрушила страну до масштабов, сопоставимых с последствиями Тридцатилетней войны. Чума[4] довершила опустошение земель и затормозила процесс восстановления. Ко дню, когда родился Адам Иоганн, прошло почти 60 лет с момента прекращения боевых действий, 45 лет с момента ратификации мирного договора, но всего около 10 лет относительно спокойной жизни. Еще затягивались последние раны войны, и трудные времена были свежи в памяти. Процессу восстановления мешала в первую очередь Семилетняя война[5]. Правда, теперь население страдало не от боевых

3 Подразумевается современная Эстония, которая была с 1719-го по 1796 год Ревельской губернией, а затем до 1917 года Эстляндской губернией Российской империи.

4 Не ясно, какую именно эпидемию чумы имеет в виду автор. На территории Российской империи крупные эпидемии известны в 1650-х и 1770-х годах. Возможно, речь идет о вспышке чумы, которая сопровождала события Северной войны между Россией и Швецией. Чума поразила обе армии при осаде Риги в мае 1710 года и шведскую сторону при осаде Ревеля в августе того же года. В начале 20-х годов XVIII века самой крупной эпидемией в Европе была так называемая «Марсельская чума», однако странами Северной Европы (и в том числе Российской империей) были приняты жесткие карантинные меры, и сведений о распространении эпидемии в Балтийском регионе нет.

5 Семилетняя война (1756—1763) — крупный военный конфликт между европейскими странами в середине XVIII века. Военные действия шли как в Европе, так и за океаном, в колониях.

действий, а скорее от тяжелого экономического бремени, которое легло на его плечи.

Итак, когда отец Крузенштерна Иоганн Фридрих вступил во владение имением Хаггуд, его отец уже привел в порядок пришедшее в упадок за время долгого сибирского плена родовое гнездо. Однако усадьбу с драгоценной библиотекой предка, посла Филиппа Кризиуса, во время войны сожгли дотла. Иоганн Фридрих занимался теперь тем, что поднимал хозяйство, переживавшее не лучшие времена, и возводил каменный особняк — это были проекты, финансирование которых из текущих доходов было невозможно. В 1749 году Иоганн Фридрих женился на Христине Фредерике фон Толь. Вполне возможно, что ее приданое пошло на строительство дома, но все же не стоит переоценивать размер состояния семьи. Времена были не те. Мыза (традиционное название для отдельно стоящей усадьбы, поместья в Эстляндии. — Прим. пер.) Хаггуд, стоящая на беднейшей земле, была одним из самых маленьких дворянских поместий в стране и могла считаться в лучшем случае скромным источником средств к существованию. Хаггуд не давал возможности погасить долги или составить капитал, не говоря уже о расходах на большое строительство.

Отец Крузенштерна стремился достичь необходимого уровня дохода, управляя другими имениями как наемный работник. То, каким плачевным было его финансовое положение в середине 70-х годов (когда строительство приближалось к концу), подтверждает факт, что эстонские дворяне дважды избирали Иоганна Фридриха маннгерихтом[6] и оба раза освобождали его от этой почетной должности, для него обременительной. Управление страной на протяжении веков вменялось дворянству в обязанность и производилось им добровольно, что не имеет аналогов в мире[7]. Когда было завершено строительство нового помещичьего дома и как долго оно продолжалось, неизвестно. В любом случае будущий моряк родился в Хаггуде, в имении своего отца, и провел свое детство неразлучно со своим братом Карлом.

---

6 Маннгерихт разрешал споры помещиков.

7 Важнейшим полем деятельности дворянского управления были: 1. Строительство и поддержание путей сообщения. 2. Церкви и школьное образование. 3. Полиция и судебная система. Работа в дворянском управлении была добровольной, но был неписаный закон, который исключал непринятие переданной почетной должности. Освободиться от должности можно было только по очень уважительной причине.

Не только трудные времена и обстоятельства жизни в Хаггуде, но и обычаи страны предписывали вести скромное существование. В эстонских усадьбах, за редким исключением, жизнь была достаточно простой. Подсобное хозяйство обеспечивало скромный стол и гардероб, если была возможность, то по особым случаям обращались к мастерам своего или соседнего поместья. Только за тем, что невозможно было получить этими способами, отправлялись в ближайший город, к торговцам или ремесленникам.

Однако в Хаггуде не экономили, когда речь шла об образовании детей. Свидетельство тому — несколько домашних учителей и француженка-гувернантка, чье присутствие в доме было обязательным: знание французского языка и литературы стало при короле Фридрихе Великом признаком образованности, доступной не каждому сословию.

Раньше то и дело выказывалось презрительное и насмешливое отношение к прибалтийским помещикам: часто они бросали школу после четвертого класса, в их доме нельзя было найти ни одной книги, кроме Библии и охотничьего календаря, а их беседы сводились исключительно к сельскому хозяйству, охоте и сплетням. Но всегда были и те, кто отправлялся получать образование вдали от дома. Они посещали известные университеты, собирали великолепные библиотеки. Поскольку статистические данные по этому вопросу отсутствуют, каждый может считать типичной ту или иную модель. Предположительно, были и находившиеся между этих двух крайностей. Однако тенденция, как правило, была такова — лучше знать немногое о многом, чем многое о немногом.

Домашними учителями обычно были небогатые студенты из Германии, преимущественно с богословского факультета. В зависимости от квалификации приглашенных преподавателей мальчики обучались дома по программам начального и среднего образования, образование же девочек было исключительно домашним. Некоторые из приехавших в семьи преподавателей сами стали родоначальниками больших семей пасторов и литераторов в Прибалтике, а также предками ученых Дерптского и Санкт-Петербургского университетов. Разумеется, продолжительность домашних занятий зависела в том числе от количества детей и их способностей, а также от расположения имения.

Одним из домашних учителей Адама Иоганна был Георг Генрих фон Кальм, иммигрировавший из Брауншвейга, а затем женившийся на сестре Адама Иоганна Елене. Кстати, сестры Крузенштерн выходили замуж не по старшинству, как было принято в то время. Сначала

в возрасте 17 лет вышла замуж за майора Иоганна Фридриха фон Рукштеля сестра Оттилия, позднее Августа, которая была старше ее, — за Отто фон Бистрома.

В этих двух браках родилось 11 детей. Старшая сестра Адама Иоганна, Ева Доротея, осталась незамужней.

В 1782 году, в то же время, что и его брат Карл, Адам Иоганн в возрасте 12 лет поступил в известное учебное заведение — рыцарскую Домскую школу в Ревеле, чьим директором в это время стал надворный советник Иоганн Христиан Тидебель, сын померанского пастора. Братья не задержались в этой школе надолго, но ее влияние на них все же было значительным. Первые упоминания о данном учебном заведении датируются 1319 годом, но, вероятно, она была основана раньше.

Таким образом, в 1782 году братья Крузенштерн столкнулись со школой и с городом, население которого — 12 000 человек — мы посчитали бы ничтожно малым. Но деревенскому ребенку оно должно было казаться огромным, ведь Ревель был еще и портовым городом. Насколько же более радикальной станет перемена, с которой Адам Иоганн столкнется через два года!

ГЛАВА II

Кронштадт

Карьеру для мальчиков в дворянских семьях в Эстонии того времени, более 200 лет назад, выбирали весьма шаблонно: один из сыновей вступал во владение отцовским имением, остальные становились офицерами. Конечно, офицер мог жениться на наследнице дворянского поместья, однако и здесь военное звание было преимуществом для жениха, если он претендовал на сколько-нибудь достойное приданое. Из выбравших военную карьеру наиболее удачливые попадали в пажеский корпус или в один из кадетских корпусов. В XVIII веке это был не единственный путь: многие офицеры начинали службу как простые солдаты и вскоре добивались высоких званий, другие записывались в армию и начинали свою карьеру добровольцами — и также достигали успеха. Так что выбор профессии, в сущности, означал для Адама Иоганна выбор рода войск и исходной позиции. Его брату Карлу, который покинул Домскую школу раньше, в 1784 году, повезло — его приняли в императорский пажеский корпус в Санкт-Петербурге, так что другой сын из той же семьи уже не мог рассчитывать попасть в это учебное заведение, а мог поступить в один из кадетских корпусов, в которых обучались в основном сыновья помещиков. Какой же корпус стоило выбрать?

Крузенштерн пошел в Морской кадетский корпус, что для того времени было крайне необычно. Ранее выходцы из Прибалтики туда практически не поступали. Кроме того, Морской кадетский корпус еще не стал популярным, избегали его не только прибалты. Российскому флоту, едва насчитывавшему сотню лет, не хватало традиций и славы, до сих пор он вел боевые действия лишь в прибрежных водах[1]. К тому же служба и продвижение по карьерной лестнице в других

1 К моменту поступления героя книги в Морской кадетский корпус российский военно-морской флот числил за собой успехи Первой архипелагской экспедиции, победы при Наварине, Чесме, Хиосе.

кадетских корпусах считались более легкими, и не зря. Делать карьеру кадетам морских корпусов было сложнее не только в России, об этом можно прочитать, например, у Марриета. В описываемую эпоху парусных судов условия жизни моряков всегда и при любых обстоятельствах были тяжелыми и даже жестокими. Борьба со стихией, как правило, была куда опаснее битвы с врагом. В то же время невысокая популярность корпуса увеличивала шансы на успех в продвижении по службе.

Морской кадетский корпус был основан в России в начале XVIII века. В 1771 году все его здания в Санкт-Петербурге сгорели и были отстроены заново лишь 20 лет спустя. До тех пор корпус временно находился в Кронштадте. Кронштадт был основан в 1703 году Петром Первым в восточной части Финского залива, на острове Котлин. Площадь острова 15 квадратных километров, расположен он в 30 километрах от Санкт-Петербурга и в 5 километрах от побережья Ингерманландии. По сравнению с красивой столицей и очаровательными прибрежными курортами Кронштадт представлял собой довольно пустынное место.

Котлин находится так низко над уровнем моря, что поначалу возникали сомнения в целесообразности на нем строительства. Позже планы по строительству оставили, а имеющиеся сооружения в конечном итоге пришли в упадок. Кроме того, положение изменили расширившиеся порты Петербурга и Ревеля. При наводнении 1824 года Кронштадт пережил настоящий потоп: уровень воды поднялся на 3,71 метра выше нормы. Большинство деревянных домов смыло к побережью Финляндии, а другие здания были разрушены или разорены[2].

Кронштадт был искусственно «выращен» для защиты Санкт-Петербурга и по размеру населения[3] за счет работы доков и порта.

2 Следует отметить, что развитие порта в Санкт-Петербурге, на которое ссылается автор, по большому счету началось в 1885 году с открытием морского канала — глубоководного фарватера от Кронштадта до Гутуевского острова. До этого морские суда, обладающие большой осадкой, не могли пройти к городу, они вставали на рейдах Кронштадта, и здесь проходили разгрузка, ремонт, обслуживание и погрузка кораблей. Кронштадт действительно сильно пострадал при наводнении 1824 года, равно как и при пожаре 1764 года. В обоих случаях город в кратчайшие сроки восстанавливался и застраивался заново при непосредственном контроле правителей России, что подтверждает его стратегическое значение и особый статус.
Уточняя локализацию острова Котлин, следует отметить, что минимальное расстояние до ближайшего берега составляет около 7 километров.

3 В 1812 году в Кронштадте в 822 домах проживало 9192 гражданских лица. За 25 лет до того их, вероятно, было еще меньше. См. Амбургер (Ingermanland), Ингерманландия, с. 70.

Со своими прямыми, перпендикулярно пересекающимися улицами он выглядел как город, но отличался непролазной грязью. В Кронштадте практически не происходило ничего интересного или привлекательного, если только жажда развлечений у зрителя не утолялась видом на изменчивое море. Оно было повсюду, куда хватало глаз, то искрившееся на солнце, то терявшееся в тумане, воздух полнился звуками катящихся волн, корабельных команд, стуком молотков и иногда — ревом бури.

Ежедневное однообразие рождало чувство несвободы, тем более что в городе почти не было приезжих. В XVIII веке в Кронштадте было немало судов, которыми можно было воспользоваться для поездки в Петербург, но не было ничего похожего на регулярный общественный транспорт, который ходил бы по расписанию. Наверное, это воспринималось как должное, тем более что здесь на воде господствовали ветер и непогода, а зимой залив замерзал. Только во втором десятилетии XIX века изоляцию Кронштадта ослабило появление паровых шлюпок. Во всяком случае, 14-летний юноша, попавший в этот город, был оторван от знакомого ему мира, который окружал и хранил его раньше.

Морской кадетский корпус размещался в так называемом Итальянском дворце, одном из наиболее представительных зданий города. Начальник учебного заведения, адмирал Голенищев-Кутузов, не переехал в Кронштадт, а остался в Петербурге. Отчасти это объясняется тем, что его присутствия в столице требовали иные служебные обязанности, отчасти тем, что в глазах общества его переезд выглядел бы опалой и понижением в должности, так что в Кронштадте он появлялся наездами. Некоторые известные преподаватели поступали так же.

Конечно, отсутствие начальственного надзора не могло остаться без последствий. Началось попустительство в обучении и воспитании кадетов, ухудшились и без того спартанские условия быта, не хватало обмундирования и довольствия. За зданием не ухаживали, топили плохо — да и разве за разбитыми окнами могло удержаться тепло? «Даже белье меняли не очень часто, хотя его носили день и ночь», — писал Теодор фон Бернгарди[4], зять Адама Иоганна. Он описывает, как в дни смены белья кадеты выскакивали из кроватей по звонку и неслись

4 Th. von Bernhardi, Der Weltumsegler Admiral von Krusenstern (Berlin: Vermischte Schriften, Berlin, 1879), p. 3. Писатель Теодор фон Бернгарди (1802—1887) в 1846 году женился на дочери Адама Иоганна фон Крузенштерна Шарлотте. (Все ссылки на иностранные источники и семейный архив сделаны автором книги, что далее отдельно не указывается.)

по коридору в одних рубашках, чтобы успеть вбежать в зал и занять свое место в строю к тому моменту, когда один из младших офицеров начнет собирать грязное белье, которое здесь же все и снимали. Раздетые кадеты продолжали стоять в строю плечом к плечу, пока не получали чистую рубашку от другого младшего офицера.

Бернгарди, опиравшийся во всех своих повествованиях на рассказы тестя, сообщал только те подробности, которые его потрясали. Ныне они кажутся скорее анекдотичными и несущественными. К сожалению, он не упоминал те достойные внимания детали, которые приводит другой биограф, Евгений Штейнберг[5]. Штейнберг отмечает, что наставники обращались к воспитанникам по фамилиям крайне редко, предпочитая им оскорбительные клички и бранные слова. Согласно неизменному распорядку, день был разделен на два блока: утренний, с 7 до 11 часов, включавший в себя сложные учебные предметы, такие как математика, и вечерний, с 14 до 18 часов, с более легкими предметами, например, иностранными языками. Между уроками по расписанию были обед и игры, после учебы — ужин и выполнение домашних заданий. По субботам вместо вечерних занятий составляли карательные списки, в которые вносили воспитанников, совершивших в течение недели нарушения или проступки, даже незначительные. Число таких нарушителей каждую неделю было двузначным, а подчас даже трехзначным. По всем коридорам разносились пронзительные крики тех, кому в караулке с 10 до 15 попадало по первое число. Возникало ощущение, что для воспитателей исполнение обязательств такого рода было не столько обременительной обязанностью, сколько желанным развлечением.

Впрочем, кадеты претерпевали не только жестокость официального руководства, но и зверства дедовщины. Воспитанники вынуждены были по первому слову повиноваться еще и кадетам, получившим повышение по службе и отобранным из числа гардемаринов (курсантов офицерской школы). Более того, каждый гардемарин имел право выбрать себе из числа кадетов адъютанта, который был обязан служить ему, безоговорочно следовать его указаниям и молча сносить пощечины. Взамен гардемарин брал на себя обязанность помогать своему адъютанту с уроками.

Собственно, после таких описаний должно казаться, будто бы речь далее пойдет о судьбе физически и психически сломленного человека,

5 Штейнберг Е. Л. Славные мореходы Иван Крузенштерн и Юрий Лисянский. М.: Детгиз, 1954.

непременно должного стать неудачником, преступником или революционером. Однако я не могу дать никакой другой оценки последствий такого обучения, кроме той, что человек — герой моего повествования — наилучшим образом применил полученное им военно-морское образование не столько для теории, сколько для практики. Несмотря на такую систему образования, следует отметить, что в том поколении выросло множество пусть не блестящих, но достойных офицеров военно-морского флота. Поскольку консервативные и прогрессивные методы воспитания враждовали друг с другом не только в нашем столетии, сам собой напрашивается вывод: после того как человек достигает определенного возраста, менять его путем перевоспитания становится гораздо сложнее. Одни на это надеются, другие этого боятся, но упущения, достойные сожаления, непростительны.

Разумеется, когда усталый кадет Адам Иоганн навестил во время отпуска своего брата Карла в Санкт-Петербурге, юноше бросился в глаза контраст между их учебными заведениями. Карл, к тому моменту ставший пажом императрицы, как и остальные кадеты его корпуса, жил в здании, похожем на дворец. Рано утром, когда гость вошел, придворный лакей шепотом сообщил ему, что юный господин еще изволит спать и он не смеет его будить. Когда же гостя впустили к брату в комнату, обшитую деревом, с отполированными до блеска полами, он нашел хозяина жилища лежащим в кровати под шелковым балдахином и принимающим в постели чашку шоколада[6].

Сомнительно, что кадетам вообще полагались регулярные каникулы, особенно в условиях плохого транспортного сообщения. Во всяком случае, никаких упоминаний об этом нет[7], но известно, что в Рождество 1786 года Карл прибыл из Санкт-Петербурга в Кронштадт, чтобы навестить брата.

Нельзя забывать о том, что в кадетском корпусе собралось множество мальчиков самого опасного — пубертатного — возраста. Наиболее необузданные и непослушные задавали тон и растравляли друг друга. Такое общество невозможно было призвать к дисциплине одной лишь улыбкой мудрости и снисходительностью, управлять им было крайне сложно.

Возможно, физические наказания и не были такими уж неизбежными, и для многих кадетов главная трудность заключалась

6 Bernhardi, p. 3.
7 По свидетельству кадета тех лет адмирала П. А. Данилова, воспитанники, имевшие родственников в Петербурге, покидали корпус на Рождество и на летние каникулы.

не в общении с воспитателями, а в утверждении своего статуса среди товарищей. Мы не станем здесь рассматривать то, насколько безжалостным может быть коллектив к своим членам, и вернемся к рассказу о конкретном кадете, а не о жизни кадетов вообще.

Адам Иоганн приехал в Кронштадт в 14-летнем возрасте — он был на два года старше большинства своих товарищей. В этой возрастной группе такая разница сильно сказывается на общении со сверстниками. Разница в возрасте могла положительно отразиться и на отношениях с учителями. Один из товарищей Адама Иоганна описывал его в то время следующим образом: он был серьезным, сосредоточенным, замкнутым, неразговорчивым, угловатым, чопорным, незаинтересованным и крайне редко проводил досуг в компании товарищей. Также замечали, что он был основательным и пунктуальным. «Незаинтересованность», возможно, относилась ко всему, что вообще волновало кадетов и задавало тему разговора. Эту характеристику дал Юрий Лисянский, который поступил в кадетский корпус на два года раньше Крузенштерна и, в отличие от последнего, вел дневник[8]. В своем дневнике Лисянский, помимо прочего, рассказывает о том, как познакомился с Адамом Иоганном. Во время их единственного учебного плавания они делили каюту, и Лисянский, вернувшись туда в отсутствие соседа, обнаружил на койке Адама Иоганна раскрытую книгу, что его невероятно поразило. У кадетов, за исключением учебников, не было никаких материалов для чтения. Лисянскому время от времени одалживал книги один пожилой учитель, и он считал это большим преимуществом. Книгой Адама Иоганна оказался труд о плавании по Северному Ледовитому океану, текст на раскрытой странице повествовал о гибели Беринга во время зимовки. На полях имелись заметки, оставленные рукой Адама Иоганна, который тем временем вернулся в каюту и задумчиво произнес: «Такой кончине можно только позавидовать. Надеюсь однажды посетить его могилу». В разговоре он упоминал, что планирует посетить не только эти воды, но и вообще далекие океаны и страны, ведь ничто не может быть притягательнее для моряка[9].

Предположительно, Адам Иоганн был единственным немцем среди кадетов, приехавшим из страны, остававшейся в сознании русских людей скорее вражеской территорией, нежели неотъемлемой частью Российской империи. Нет никаких сомнений в том, что особое написание фамилии «Крузенштьерн» — без мягкого знака, принятое его

8 Лисянский поступил в 1783 году, Крузенштерн — в 1785 году.
9 Штейнберг, с. 38.

потомками и другими членами семьи, уходит корнями во времена его учебы в Кронштадте. Непринятое в России имя «Адам» исчезло, а Иоганн превратился в Ивана, поскольку так было привычнее для русского уха.

Обычно учеба в кадетском корпусе продолжалась шесть лет, причем три из них — в качестве кадета и три — гардемарина. Гардемаринами называли кадетов старших курсов. Наиболее точно их можно охарактеризовать как кандидатов в офицеры. Мичманы, также называемые младшими лейтенантами и имевшие такое же звание во флоте, причислялись к офицерскому составу и получали соответствующие должности. В случае военной необходимости или при проявлении выдающихся способностей гардемарин мог быть принят во флот на действительную службу до истечения обычного срока обучения в корпусе. Это и произошло с Иваном в 1787 году, хотя он не проучился даже половины положенного времени. Новая русско-турецкая война показалась Швеции удачным моментом, чтобы свести старые счеты и восстановить свое влияние в Прибалтике. Таким образом, Россия внезапно оказалась втянутой в войну на два фронта и была вынуждена мобилизовать все имевшиеся резервы, что в первую очередь коснулось флота. В мае 1787 года 142 кадета — и Крузенштерн в их числе — были досрочно произведены в гардемарины, и уже год спустя 17-летний Иван Федорович покинул кадетский корпус, проучившись в нем три с половиной года.